

В. П. Дубянский,

гвардии генерал-майор

Дивизия стояла на смерть

Вторая половина августа 1942 года. Немецко-фашистские войска прорвали нашу оборону севернее Калача-на-Дону и устремились к Волге. Юго-западнее Сталинграда активизировала боевые действия 4-я немецкая танковая армия генерала Гота.

Командование фронта, стремясь не допустить выхода противника к Сталинграду, использует свои резервы, в том числе и нашу 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Василия Андреевича Глазкова. Дивизия занимает оборону по р. Червленной на участке: Гавриловка, Андреевка, Ивановка, расположив КП в районе высот 125,3 и 128,2.

18 августа дивизия получает новый приказ — занятую полосу обороны сдать прибывшим частям и сосредоточиться севернее Нового Рогачика, быть готовой к форсированию Дона на участке Вертячий, Песковатка.

Я в то время был заместителем командира дивизии. С группой офицеров штаба выехал на рекогносцировку в район Песковатки, Вертячего. Собрав необходимые данные, доложил, что форсирование Дона при тех средствах, которые имелись на месте, невозможно. Впрочем, этого уже от нас и не требовалось. Дивизия перебрасывалась в район Самофаловки, Котлубани, высоты 118,2 с задачей: занять оборону фронтом на северо-запад и не допустить противника к Сталинграду.

22 августа дивизия, усиленная танковой бригадой, расположилась на новых рубежах. Это был тяжелый для нас день. Авиация противника непрерывно бомбила наши позиции. Вражеская бомба разорвалась у блиндажа, который занимал политотдел, и из строя был выведен почти весь состав наших дивизионных политработников.

23 августа на КП дивизии прибыл заместитель командующего фронтом генерал К. А. Коваленко.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Вам ведь было приказано перейти в район Песковатки, Вертячего и не допустить форсирование Дона немецкими войсками.

Как выяснилось, такой приказ был нам передан специально посланным офицером, но тот к нам не добрался.

— Придется поправлять положение, — сказал Коваленко, и приказал нам немедленно сниматься с места и выйти в район Малой Россошки, заняв оборону фронтом на север.

Оставив в окопах наблюдателей и небольшие заслоны, дивизия основными силами стала выходить в указанные районы. Это было совсем не просто. Противник наседал. Сильный бой разгорелся южнее Самофаловки. В этом бою был убит командир учебного батальона Байбаков и ранен в руку командир пулеметной роты, испанец Рубен Руис Ибаррури, сын пламенной Долорес. Он отказался идти в медсанбат, заявив: «Пока работает одна рука и голова на плечах, я с поля боя не уйду и буду бить злейших моих врагов — фашистов».

100-й и 102-й полки развернутым фронтом врезались в колонну частей 14-го немецкого танкового корпуса и разгромили ее. Значительные силы вражеского корпуса были остановлены, отрезаны от 6-й армии и не смогли выполнить поставленную задачу: выйти к Волге и захватить северную часть Сталинграда.

В течение десяти дней, с 23 августа по 2 сентября, велись ожесточенные бои по уничтожению группировки противника. И только помощь извне 51-го армейского корпуса немцев позволила остаткам их 14-го танкового корпуса выйти из-под удара наших войск.

За эти дни мы уничтожили около трех тысяч фашистских солдат и офицеров и до 300 боевых и транспортных машин противника.

Рассказывая об этих боях, мне снова хочется вернуться к Рубену Руису Ибаррури. Обстановка сложилась так, что главная тяжесть удара танков и мотопехоты противника легла на плечи его пулеметной роты. Раненый, он продолжал руководить боем и остановил врага. 24 августа бои возобновились с новой силой. Горели хутора Власовка, Самофаловка, станция Котлубань. Отлучившегося комбата заменил Рубен. При отражении шестой атаки его снова, на этот раз смертельно ранило. Все мы глубоко переживали тяжелую утрату любимого товарища, отважного воина и поклялись отомстить ненавистному врагу.

Ожесточенность боев все нарастала. В начале сентября наша 35-я гвардейская дивизия отбивала яростные атаки

фашистских войск в районе станций Воропоново, Садовая и поселка Верхняя Ельшанка. Командный пункт дивизии находился на высоте 149,0. Отсюда можно было наблюдать разворачивание вражеских танков и сосредоточение мотопехоты западнее Воропоново.

Командир дивизии генерал В. А. Глазков решил занять оборону 100-м полком на рубеже высот 149,0 — Верхняя Ельшанка, оседлать железную дорогу и шоссе; 101-м полком занять МТФ, западную опушку леса, 102-м полком — южную часть садов и высоту 137,7. Наш передовой отряд, усиленный ротой танков и ротой бронейщиков, дружно встретил вражеские танки, появившиеся южнее железнодорожного полотна. Противник потерял тринадцать машин. Остальные под сильным огнем стали отходить.

Фашистская пехота залегла по насыпи железной дороги. В это время в воздухе появились «юнкеры», которые начали пикировать на высоту 147,8, поселок и ст. Воропоново, где оборонялся передовой отряд. Наши воины не дрогнули. В ночь на 4 сентября отряд присоединился к своему полку, блестяще выполнив свою задачу.

Утро 4 сентября началось воздушной атакой: противник бомбил расположения частей и подразделений нашей стрелковой дивизии. После воздушной атаки открыли огонь его артиллерия и минометы.

При поддержке танков на нашу оборону в плотных порядках двинулась вражеская пехота.

В течение пяти суток, не смыкая глаз, с галеткой в кармане, с несколькими глотками воды во флажке сражались наши гвардейцы. В этих боях, как и в боях в районе Самофаловки, Малой и Большой Россошек, проявили отвагу и героизм все бойцы дивизии.

Хочу отметить исключительное мужество воинов-бронейщиков 101-го полка. До двадцати пяти танков атаковали высоту 149,0, стремясь прорваться между железнодорожным полотном и Верхней Ельшанкой. А в нашей роте осталась только треть бронейщиков во главе с двадцатичетырехлетним Иннокентием Герасимовым. В этом бою рота уничтожила 19 танков противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР Иннокентию Петровичу Герасимову было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Наступило 8 сентября. За пять суток непрерывных боев наши полки понесли серьезные потери. А противник все наседавал.

Командир левофлангового полка донес, что наблюдает движение пехоты в направлении пос. Купоросного. Как выяснилось, это отходили остатки 36-й стрелковой дивизии

64-й армии. Чтобы сократить и тем самым уплотнить фронт нашей обороны, необходимо было заблаговременно выйти из боя и отойти на новый рубеж. Мы доложили командующему 62-й армией и попросили его поддержать наш отход артиллерией, минометами, «катюшами» и, если можно, авиацией. Отход был намечен на 15.00 8 сентября. Командарм согласился и просьбу о поддержке удовлетворил.

Около 13 часов в воздухе появилась девятка наших «илов» и начала штурмовать реактивными снарядами артиллерийские позиции и скопления танков противника. А вслед за ними ударили «катюши», артиллерийские батареи.

Наши части начали быстро отходить на подготовленные позиции. Противник заметил это и ввел для преследования уцелевшие резервы и приведенные в порядок подразделения. Однако организованного наступления у него не получилось.

Наш НП находился в двухстах метрах от каменного домика, где я и комиссар дивизии Е. А. Лисичкин наблюдали за ходом боя у ст. Садовая. Командир дивизии генерал-майор В. А. Глазков с вечера 7 сентября находился в 101-м стрелковом полку и при его отходе был ранен осколком мины. Бойцы доставили комдива на КП, который то и дело подвергался бомбежке. Нужно было менять КП, но без санкции штаба армии сделать это мы не могли. Связи технической не было. Офицеры, посланные в штаб армии, не возвратились. Отстреливаясь, отходили последние группы 101-го полка.

Штаб дивизии охраняли бойцы комендантского взвода, санвзвода, роты связи, всего человек десять, оставшихся в живых после налета авиации. Немцы были в двухстах метрах. В окопах лежали раненые и убитые; адъютант комдива младший лейтенант Д. Карасев и комендант штаба сержант В. Хонский заряжали автоматы. Все остро переживали создавшееся безвыходное положение. И особенно тяжело нам было от сознания потери своего комдива.

Генерал Василий Андреевич Глазков управлял войсками до последнего вздоха. Он был несколько раз ранен, но не покидал передовую. Последнее ранение оказалось смертельным.

В Волгоградском музее обороны хранится фронтовая шинель генерала. На ней более 160 пулевых и осколочных пробойн.

Героически погиб в этом бою и начальник политотдела дивизии И. Д. Полянский.

Медлить было нельзя, немцы уже начали нас обходить. В окопе оставался лежать только тяжело раненный лейтенант Иванов, командир взвода роты связи. Он держал в руке наган и торопил нас: «Уходите... Я все равно не жилец... Себя дешево не отдам и выполню свой долг перед Родиной до конца». Но как мы могли его оставить? Отходившая группа воинов 101-го полка вынесла Иванова из боя и доставила на медпункт.

Наступали сумерки. Немцы, захватив Верхнюю Ельшанку, высоту 137,7, Новую Песчанку, дальше двигаться не решились.

Наши части, не теряя наблюдения за противником, вышли на городской оборонительный обвод и стали приводить себя в порядок. Ночь на 9 сентября прошла относительно спокойно. Но можно ли было быть спокойным, если до Волги оставалось 3—4 километра?

За шесть дней боев, с 3 по 6 сентября, ряды дивизии сильно поредели. Потери составили около 20 процентов. После гибели генерала Глазкова я вступил в командование дивизией.

К исходу дня 9 сентября, отдохнув, пополнив боезапас, бойцы дивизии были готовы к новым сражениям, поклявшись не пустить врага к Волге.

В течение 9 и 10 сентября мы вели активную разведку. Было установлено, что западнее Садовой действуют части 94-й пехотной дивизии, южнее пригорода Минина — 14-я танковая дивизия, против Купоросного — ремзавода — 29-я моторизованная дивизия противника. И с этими силами нам предстояло сражаться. А наша дивизия насчитывала не более 5 тысяч воинов. Нам были приданы подразделения ПТР 20-й бригады, 16 танков. Поддерживали нас два полка «катюш» и 85-й гаубичный артполк. Это было немалой помощью. И все же противник превосходил нас почти в 10 раз.

Мы это хорошо понимали и были полны решимости остановить врага. Большую работу провели наши политработники, партийные и комсомольские организации, разъясняя создавшуюся обстановку, мобилизуя личный состав частей и подразделений на отпор гитлеровцам.

12 сентября в командование 62-й армией вступил генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Командный пункт штаба армии располагался на Мамаевом кургане. Наша дивизия занимала оборону на левом фланге 62-й армии и имела задачу: не допустить противника к Волге с запада. Глубина обороны не превышала трех километров и ограничивалась берегом Волги.

13 сентября Василий Иванович вызвал меня по рации. — Здравствуйте! — сказал он. — Вы тот самый Дубянский, с которым я встречался в Белорусском округе?

— Так точно, товарищ генерал.

— Отвечаю на вашу просьбу: резервов у меня нет. Пополнения не будет. Когда получу — подброшу. А сейчас — стоять насмерть! Все.

Несколько позднее осколки бомбы угодили в радиостанцию, и дивизия лишилась единственного средства управления.

14 сентября 62-я армия предприняла контрудар. Мы должны были нарушить боевой порядок первых эшелонов противника. Ворвавшись в расположение спящих немцев и уничтожив много гитлеровцев, наши бойцы быстро отошли. Свою задачу мы выполнили. Гитлеровское командование не жалело своих солдат и громадные потери непрерывно возмещало новыми подразделениями. Немцы, часто пьяные, лезли напролом, под губительный огонь, считая, что участь Сталинграда уже решена и они пойдут на обещанный Гитлером отдых. И уходили на другой покой — вечный.

С утра 15 сентября в наступление против нашей дивизии перешли 94-я пехотная и 24-я танковая дивизии. Их атаке предшествовали авиационный удар и артиллерийский налет. Этот день и последующие были для нас очень тяжелыми, особенно после того, как гитлеровцы ввели в бой на нашем левом фланге свою 29-ю моторизованную дивизию. У Купоросного немцы вышли к Волге, и, таким образом, мы лишились локтевой связи с 64-й армией.

Особенно ожесточенное сражение разгорелось за элеватор. Это массивное здание обороняла рота в 45 человек. Она приковала к себе вражеский батальон, усиленный танками.

16 и 17 сентября бои шли с нарастающим напряжением. Каждый свой шаг, каждый метр захваченной земли враг оплачивал сотнями убитых, продвигаясь по 200—350 метров в сутки.

Под натиском трех дивизий мы оставили Ельшанку, пригород Минина, элеватор, консервный завод и остановили наступление врага на фронте ДСПО — водокачка — вокзал Сталинград-II. В эти критические дни мы получили замечательное пополнение — батальон морской пехоты.

Последним рубежом ожесточеннейшей борьбы была р. Царица. Противник бросил все свои силы, чтобы овладеть ее левым берегом, но не достиг цели. Наши гвардейцы не допустили фашистов к реке и к мосту через нее.

25 сентября нас сменила морская бригада. Ночью, на самодельных плотках, мы переправились через Волгу на переформирование.

А вскоре мы снова были в бою. Теперь уже гнали гитлеровцев на запад. Гвардейцы 35-й сражались по-сталинградски, одними из первых ворвались в Берлин и штурмом взяли здание имперской канцелярии. Овеянное славой знамя дивизии, украсили шесть боевых орденов.